

Саломон МИРСКИЙ

Восток и государство будущего. «Людостан» и «Ладомир» — гармоничный мир

Политическая утопия Хлебникова неотделима от его языковой утопии. На эту связь указывал уже Осип Мандельштам: «Хлебников мыслил язык как государство, но отнюдь не в пространстве, не географически, а во времени»¹.

Как можно понять из вышеизложенных представлений о времени Хлебникова, нет особого смысла в попытках разрешить вопрос относительно его языковой теории или ее реализации, является ли Хлебников действительно футуристом или, как утверждают некоторые исследователи, скорее «пассеистом»². Столь же мало сущность политической утопии позволяет классифицировать ее как обращенную в прошлое или ориентированную на будущее, поскольку утопия, в общем-то, может в равной степени ориентироваться и на лежащий в прошлом «Золотой Век», и на будущее³.

Что Хлебников по меньшей мере поверхностно был знаком с идеей платоновской республики, первоистокom всех утопий, — очевидно из начала «Письма двум японцам», в которых поэт представляет на рассмотрение свои предложения по организации «Азиатского конгресса». Опираясь на идею сословного деления в платоновской «Политейе», поэт также делит жителей своего Государства на сословия: «изобретателей» и «приобретателей». «Приобретатели», которые объединены под именем «старшие возрасты», имеют своим предназначением «торг, семьи, приобретения» (III, 157)⁴. Они соответствуют примерно «лавочникам» у Платона⁵. «Изобретатели» берут на себя область «искусства, знания» (там же)⁶. Поэты, таким образом, в противоположность Республике Платона, из идеального Государства не исключаются. Наоборот, через связь с искусством и знанием они причислены к правящему сословию, к философам, которые у Платона исполняют обязанности «блюстителей» и «руководителей государства»⁷. Так проясняется внутренняя логика игры,

которую вели с большими издержками Хлебников и его друзья: они назначают себя «Председателями Земного шара». Это поэты, которые о себе заявляют как о вождях будущего, еще только становящегося мира⁸.

Собирание поэтов в правящее сословие определяет хлебниковский взгляд на идеальное государство как на государство поэтов — представление, которое хорошо известно в немецком романтизме⁹.

Это должно быть государство без войн, однако упразднение войн может произойти, как неоднократно было сказано, только после преодоления разнообразия языков, то есть только после сотворения единого мирового языка. Так утопическое государство после сотворения единого мирового языка закономерным образом станет мировым государством.

В утопическом эссе «Лебедия будущего» (1915–1916) это мировое государство будущего обозначено как «Соединенные Станы Азии» (II, 287). Здесь Хлебников выступает против утопии Владимира Соловьева, который в «Трех разговорах» предрек для союза европейских народов создание «Европейских соединенных Штатов»¹⁰.

Здесь вновь <...> Азия занимает место Европы.

В большом сочинении «Ладомир», которое относится к центральным и известнейшим сочинениям Хлебникова и темой которого является идеальный мир будущего, мировое государство будущего называется Людостан (I, 188). Этот неологизм Хлебникова, который образован из обозначающего человеческую общность «люд» и слова «стан», разумеется, имитирует обозначения азиатских государств или регионов: Афганистан, Пакистан, Туркестан, Казахстан и др.

Между словом «Людостан» (обозначение будущего государства) и «Ладомир» (обозначение мира будущего) можно установить ряд сложных семантических и морфологических параллелей, которые существенны для понимания произведения «Ладомир».

Прежде всего названия «Людостан» (Люд-о-стан) и «Ладомир» (Лад-о-мир) морфологически выглядят выстроенными совершенно параллельно, поскольку они являют собою структурно схожим образом организованные композитные слова («Людостан» в смысле «Государство людей», «Ладомир» в смысле «Мир согласия»).

Так как «стан» в русском языке может быть понят также как обозначение «группы людей»¹¹, внутри слова «Людостан» возникает своего рода глубинный семантический параллелизм: «люд» = «стан». Того же рода параллелизм являет собой и слово «Ладомир», если «лад» привлекается в значении «мир», «согласие»: «лад» = «мир». В этом состоит «горизонтальный» параллелизм «Людостана» и «Ладомира», потому что в обоих словах обе части композита стоят в одних синонимических отношениях друг по отношению к другу.

Помимо этого «горизонтального» параллелизма между «Людостаном» и «Ладомиром», имеется также «вертикальная» связь между обоими словами. «Лад» и «люд» — паронимическая пара, иллюстрирующая сформулированные Хлебниковым «законы внутреннего склонения», как они, к примеру, изложены в «разговоре» «Учитель и ученик» (III, 171–182). Следуя хлебниковским примерам из этой статьи, можно обосновать следующее: «а» и «ю» суть родительный и дательный падежи исходного маскулинного «о». Таким образом Хлебников образует следующие пары слов, которые, с одной стороны, обладают сходным звучанием и внутренне связаны друг с другом, с другой же стороны — находятся в некотором напряжении друг относительно друга (как в приведенных Хлебниковым примерах словесных пар «бег» — «бог», «бык» — «бок», «лес» — «лыс» и т. д. — Там же, С. 171). В нашем случае внутреннее напряжение между словами, связанными друг с другом «внутренним склонением», отсылает к центральной идее хлебниковской утопии, которая может стать актуальной только после упразднения величайшего зла нашего мира — войны: в нашем мире люди («люд») живут друг с другом не в согласии («лад») — что выражено через напряжение, которое, согласно хлебниковским «законам», непременно присуще «внутреннему склонению». Утопия состоит для Хлебникова прежде всего в преодолении этих отношений напряжения между «людом» и «ладом».

«Вертикальная» связь между «Людостаном» и «Ладомиром» распространяется также на соответствующую вторую часть этого композитного слова: «мир» и «стан» тесно связаны между собой, если «мир» понимать в традиционном русском значении как «сбор членов деревенской общины»¹², а «стан» как «лагерь общины, отправившейся в путь»¹³.

Это многократное взаимоотражение имени «Ладомир» — с его сильным славянским звучанием¹⁴ и столь же сильным ассоциативным воздействием — и «Людостан», слова, которое, как уже было показано, морфологически соотнесено с названием многих азиатских государств, выражает важнейшую идею политической утопии Хлебникова: Россия — плацдарм для создания идеального государства будущего, однако это государство будет носить ярко выраженные азиатские черты.

Отталкиваясь от государства будущего «Людостан», Хлебников называет город будущего — «Солнцестан» (II, 63). «Солнцестан» («Город Солнца») отсылает к древнеегипетскому Гелиополису. <...> Хлебников интенсивно занимался мифом о боге Солнца Ра, и Гелиополис был, как известно, центром так называемого солярного монотеизма¹⁵.

Победа над смертью и реинкарнация

В идеальном мире будущего, в мире «Ладомира», смерть будет побеждена («смерть смерти будет ведать сроки», I, 185) — идея, которая почти всегда сопровождает образ идеального государства у Хлебникова. Этот мотив — согласно В. Маркову — Хлебников связывает с идеями русского философа Николая Фёдорова¹⁶.

В хлебниковской утопии, как сказано выше, поэты, являющиеся в то же время учеными, суть правящее сословие общества. Отталкиваясь от мыслей Федорова, Хлебников утверждает, что в государстве будущего заданием для ученых должно стать преодоление смерти, причем решающую роль сыграет воздухоплавание как средство преодоления законов притяжения. Эти мысли Хлебников высказывает в письме к М. Матюшину (18.06.1913), где он ставит под сомнение окончательность смерти и по ходу замечает: «Если тяготение многим управляет, то воздухоплавание и относительное бессмертие связаны друг с другом» (IV, 365).

Представление о пути к бессмертию для Хлебникова сформировано в своеобразном синтезе научных мыслей и веры в буддистское, или, скорее, индуистское учение о реинкарнации.

В одном письме к Петникову он писал поэту: «Мы намерены умирать, зная секунду второго рождения» (III, 314). Во фрагменте «Отрывок из пьесы» схожим образом изображено, как с помощью научных исследований можно вычислить время своего собственного рождения, смерти и воскрешения. Один из участников диалога говорит, что он продолжит свою научную работу «после второй смерти в третью жизнь» (III, 142). Обращает на себя внимание также указание на «день Ганги синеглазого», который назван днем рождения одного из двух собеседников (там же), что ставит вопрос воскрешения в буддистский, точнее — индуистский контекст¹⁷. Улица, где состоялся разговор, в котором воскрешение обсуждается как совершенно обыденное дело, обозначена как «Улица будущего» (там же).

Представление о преодолении смерти у Хлебникова проистекает из двух принципиально разных источников: из западной научной мысли и из восточной веры в реинкарнацию. Поэтому на хлебниковской утопии, мировом государстве будущего, в котором не будет ни войн, ни смерти, лежит отпечаток буддистской концепции «мира как представления». Законам реинкарнации, конечно, подчинено все живущее, не только люди, но также и звери. Отсюда возникает в утопическом произведении «Лебедя будущего» братское объединение людей и животных:

Было поставлено правилом, что ни одно животное не должно исчезнуть <...> Крылатый творец твердо шел к общине не только людей, но и вообще живых существ земного шара (II, 289)

Будда для Хлебникова идеальный образ человека, который к жизни животного относится с таким же уважением, как и к человеческой жизни. В стихотворении «Азия» он пишет:

Здесь сын царя прославил нищету
И робок опустить на муравья пята
И ходит нищий в лопани (III, 27).

Царский сын, который прославил нищету и призвал щадить животных, это, конечно же, Будда.

Хлебников должен был уже довольно рано столкнуться с протекающей из учения Будды идеей о гармоническом единстве людей и животных. В 1904 году, в возрасте 19 лет, написал Хлебников в своем «Завете»:

Он не видел различия между человеческим видом и животными видами
и стоял за распространение на благородные животные виды заповеди и ее
действия «люби ближнего, как самого себя» (IV, 318).

Существенен для понимания утопии Хлебникова поэтому мотив государства животных. Так, в «Азии»: «Ты разрешила обезьянам / Иметь правительства и королей» (III, 27). И в письме В. Ермилову (3.1.1921): «Может быть, государство лошадей окажется более способными учениками, чем государство людей» (IV, 385). В «Ладомире» равноправие животных относится к идиллическому миру будущего: «Я вижу конские свободы / И равноправие коров» (I, 193).

Далее Хлебников перенимает из буддизма не только представление о согласии между людьми и животными. Даже идеи схожести и братства для него связаны прежде всего не с французской революцией, но с примечательным образом с учением индийского короля Асока. Написанная в 1915 году символическая заметка будет открываться предложением «Я пошел к Асоке и попросил у него мыслей взаимы о равенстве и братстве» (IV, 317). Асока был король, при котором буддизм вернулся в Индию как государственная религия (в III веке до Р. Х.).

Концепция идеального государства у Хлебникова, помимо прочего, носит сильный отпечаток романтического представления о так называемой «политической биологии»: он понимает государство как идеально функционирующий организм, как Макроантропоса. Яснее всего эта идея выражена в поэтической исповеди Юноши Я-Мир: «Я клетка волоса или ума большого человека, имя которому Россия» (II, 35). Этот старый аллегорический образ (государство как тело, в котором все части и функции согласованы друг с другом и служат единству), в поэзии Хлебникова реализован столь характерно, что

оба компонента аллегории могут поменяться местами: не только государство изображается как организм, как живое тело, но также и тело, а именно тело Я-Поэта, может провозглашаться государством. На такое положение вещей в творчестве Хлебникова обратил внимание также поэт Николай Заболоцкий, который в письме к Константину Циолковскому, пионеру космонавтики в России, писал следующее: «А чувствование себя государством есть, очевидно, новое завоевание человеческого гения. Это ощущение, столь ясно выраженное в Ваших работах, было знакомо гениальному поэту Хлебникову, умершему в 1922 году».

Затем Заболоцкий цитирует текст хлебниковского стихотворения «Я и Россия» (II, 304), в котором поэт прославляет свое тело как государство.

Отсюда естественным образом возникает вопрос о сущности «Я» в утопии Хлебникова. Если государство — это «Макроантропос», а индивидуум род «Микрополиса», тогда они переходят друг в друга: возможность будущей общественной гармонии выводится непосредственно из опыта единого тела, цельность с которым вновь должно обрести «Я». К подобному заключению приходят также Лощиц и Турбин, которые вообще не вдаются в «политическую биологию»:

Исчезновение в историческом потоке — форма сохранения каждого «я», уникального и неповторимого. И Азия была необходима поэту <Хлебникову> не только потому, что она где-то рядом, что она — таинственна и экзотична. Азия влекла его как желанное дополнение к тому, что знаем о судьбе человека мы, европейцы, как школа, которую нам необходимо пройти.

Что же в приведенном утверждении остается невысказанным, так это указание на то, что поэт в значительной части азиатской философии и духовных учений находил как раз ту идею, с чьей помощью «Я», включаясь на путях повторных воплощений (реинкарнации) всякий раз заново в природный цикл, достигает тем самым бессмертия.

Позднее сочинение «Взлом Вселенной» начинается с видения смертельной опасности для целого народа как следствие угрозы со стороны одного-единственного насекомого, божьей коровки (II, 93) Сюда же уподобление его спасения из воды спасению целого народа (Там же. С. 99). Даже отдельные превратившиеся в божьих коровок человеческие индивидуумы подчинились законам реинкарнации:

Мы взлетим на небо
И через многие тысячи лет
Вернемся на землю
Непонятым прахом.

(Там же. С. 98)

Возвращение на землю в форме «непонятного праха» подразумевает реинтеграцию того, что однажды жило, в новый жизненный круг, причем из «праха», вполне возможно, будут сотворены новые поколения людей. Здесь становится очевидным, каким изощренным путем поэт соединяет библейскую концепцию бессмертия души и возвращения «праха в прах» с буддистской верой в реинкарнацию. Эта вера — только компонент масштабной, разработанной Хлебниковым синкретической системы, в которой новейшие научные знания (Хлебников, к примеру, знал работы Альберта Эйнштейна (III, 101) сплавлены с основами большинства религий в своеобразную целостность.

Под знаком этого синкретизма оказывается и политическая утопия Хлебникова. Она также несет на себе черты его своеобразного восточно-западного синтеза. Этот синтез явственнее всего проявляется в стихотворениях персидского периода. В стихотворении «Дуб Персии» обнаруживается «созвучие», гармония Маздака и Маркса: «Шумит созвучие / С Маздаком Маркса» (II, 134). Маздак, персидский реформатор (ок. 500 от Р. Х.), разрабатывал идеал «основанного на религии коммунистического общества». Отсюда становится очевидно, с какой целью в стихотворении Хлебникова Маздак упомянут в связи с Карлом Марксом: это поиск под общим знаменателем восточных и западных видений идеального грядущего мирового порядка.

Как уже многократно было сказано в главе о хлебниковском понимании истории, в его творчестве происходит переориентация общей культурно-исторической перспективы. Его версия «ex Oriente lux» распространяется естественно и на его утопию будущего. Однако этот мир будущего — ни Восток и ни Запад: это комплексный конгломерат из обоих культурных миров. И так как Россия в силу своего географического положения, своей истории и своего культурного наследия объединила в себе Восток и Запад, она в творчестве Хлебникова становится истоком видений идеального объединенного мира.

Восток и совершенный человек

Создание идеального государства предполагает создание идеального человека. В утопии Хлебникова этот человек, само собой разумеется, русский, наделенный при этом множеством ориенталистских черт.

В анализе утопического мира будущего («Ладомир») мы уже указывали на то, что в идеальном государстве поэтам достается роль правителей. Как мы показали далее, это точная инверсия отношений, как они были очерчены в Республике Платона, когда поэты становятся «Председателями Земного Шара», вождями человечества. Как раз поэтому они, в противоположность алчущим потребителям («приобретатели»), ничем не владеют и свою задачу видят в поиске новых

путей. Поэтому Хлебников видит «изобретателя» как истинного, свободного и совершенного человека. Так как свобода, свободная индивидуальность у Хлебникова представлена именно через «Азию» как «шифр свободы» <...> и это та «Азия», которая «сотворила свободную индивидуальность» <...> видение будущего свободного мира и его свободных людей следует воспринимать непременно в связи с Азией.

Но одна свобода еще не творит совершенных людей: идеал Хлебникова — это синтез между безудержной спонтанностью («Свобода Азии») и анализирующим, упорядочивающим интеллектом («рационализм Запада»). Потому и становится у Хлебникова объединяющая в себе Восток и Запад Россия местом рождения совершенного человека. Это сам поэт, который себя провозглашает предтечей этого идеала, причем его своеобразный синтез звучит так: «Я Разин со знаменем Лобачевского» (I, 202).

Как всегда в поэзии Хлебникова, за этим, на первый взгляд, причудливым и парадоксальным объединением двух столь различных образов (Разин, предводитель крестьянского восстания в XVII веке и Лобачевский, 1792–1856, основоположник новой, неэвклидовой геометрии) также прячется одна детально продуманная система: Разин инициирует популярное, отмеченное социальными акцентами массовое движение в России и в истории выступает как революционер. Лобачевский же совершает революцию в геометрии. Оба связаны с Волгой: Разин поднимался со своим войском вверх по Волге, Лобачевский с 1827 по 1846 год был ректором Университета в Казани на Волге, где Хлебников в 1903 году штудировал математику.

Волга связывает в системе Хлебникова судьбу трех образов: Разин как воплощение свободы; Лобачевский как воплощение интеллекта; и поэт Хлебников, который родился на Волге и понимал себя как синтез их обоих, как неистовый бунтарь и борец за свободу, вооруженный научными познаниями. (Поэт Хлебников и впрямь был как ученым, так и революционером, преобразователем мира).

Приведенное кредо поэта «Я Разин со знаменем Лобачевского», поставленное в качестве эпиграфа к сочинению «Разин», в сочинении «Ладомир» будет расширено и выражено в революционном контексте:

Это Разина мятеж,
Долетев до неба Невского.
Увлекает и чертеж
И пространство Лобачевского (I, 184).

Достигнутый в образе идеализированного Я-Поэта синтез соответствует хлебниковскому идеалу совершенного человека. Это синтез между идеей жесткого формотворчества — Лобачевский как символ

геометрического оформления пространства — и идеей беспощадной, всеразрушительной свободы, как ее воплощает Степан Разин. Оба они, как было сказано, объединены в образе поэта, а именно в образе поэта Велимира Хлебникова, который в своем творчестве, с одной стороны, добивался отделки формы, с другой стороны — стремился к разрушению традиционной поэзии. Синтез между Лобачевским и Разиным одновременно синтез между преимущественно европейским, нацеленным на рацию, и преимущественно азиатским, в своей свободе не знающим ограничений русским бунтарем.

Хотя «лобачевские» мотивы встречаются и в других стихотворениях Хлебникова (напр., во «Взломе Вселенной» (II, 93) или в «Песни мне» (IV, 207), однако образ великого математика остаётся в известной степени «плоским», он не развивается и не приобретает особой глубины. Решительно иначе обстоит дело с «разинским» мотивом, одним из выразительнейших, но и сложнейших мотивов творчества Хлебникова.

